

Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков

В. П. Смирнов*

Мюнхенская конференция 29 сентября 1938 г. и советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. изучаются уже более полувека. Основные документы давно опубликованы; имеется обширная научная и публицистическая литература на разных языках, однако споры вокруг этих событий не прекращаются. В основном они ведутся вокруг оценок Мюнхенской конференции и советско-германского пакта, то есть вокруг таких вопросов, которые, по самому существу дела, трудно поддаются доказательству и проверке. Часто они носят болезненный характер, потому что Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении, сопровождавшийся секретным «дополнительным протоколом» о разграничении сфер влияния в Восточной Европе между Германией и СССР, определили судьбу ряда стран и народов и оказали глубокое воздействие на их историческую память, национальное самосознание, чувство национальной гордости. Содержание, характер и тональность таких споров во многом определяются международной обстановкой и политическими переменами в тех или иных странах.

В годы «холодной войны» изыскания по истории Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении широко использовались в идейной и политической борьбе между «Западом» и «Востоком». Советские историки занимались прежде всего Мюнхенской конференцией, потому что позиция Советского Союза накануне и во время нее выглядела безупречной с моральной, правовой и политической точек зрения, а позиция Англии и Франции, пытавшихся «умиротворить» гитлеровскую Германию, давала основания для серьезной критики. На Западе охотнее писали о советско-германском пакте, потому

что он положил начало предвоенному сотрудничеству СССР и Германии, привел к разделу стран Восточной Европы между ними и вызывал возмущение западного общественного мнения.

В 1948 г. государственный департамент США совместно с министерствами иностранных дел Великобритании и Франции издали сборник трофейных немецких документов о сотрудничестве Советского Союза и нацистской Германии в 1939–1941 гг.¹, где был опубликован и секретный «дополнительный протокол» от 23 августа 1939 г.

В ответ советское правительство опубликовало так называемую историческую справку «фальсификаторы истории»², которая, в свою очередь, обвинила США и Великобританию в пособничестве нацистской Германии, в том числе в попытках сговора с ней во время Второй мировой войны. Вышедшая в свет тиражом в 2 млн. экземпляров, распространяемая всеми средствами советской массовой информации, «историческая справка» на много лет вперед определила содержание и характер всех советских работ по истории международных отношений новейшего времени, включая оценки Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении.

После крушения советского режима и распада СССР, когда приоткрылись секретные советские архивы, и историки получили возможность свободно высказывать свои мысли, история международных отношений накануне и во время Второй мировой войны (особенно история советско-германского пакта о ненападении) привлекла большое общественное внимание. Она стала предметом многочисленных выступлений в средствах массовой информации и в научных дискуссиях. По подсчетам российского историка С. З. Случа, в 1992–2006 гг. в России было

* **Владислав Павлович Смирнов** — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

издано более 670 работ по истории и предыстории Второй мировой войны, в том числе 73 сборника документов³. С 1989 по 2008 гг. Институт славяноведения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Московский Государственный Институт Международных Отношений (Университет) и другие научные учреждения России провели более десятка «круглых столов» и четыре международных конференции на эти темы. В ходе научных и политических дискуссий изменились многие, унаследованные от советского прошлого представления и оценки, были высказаны новые точки зрения.

С.З. Случ обнаружил 34 «наиболее заметные новации, сопряженные с конкретным фактическим материалом и озвученные в том или ином виде в 1985–1991 гг., хотя, как правило, не разработанные ввиду отсутствия доступа к документам»⁴. 14 таких «новаций» относятся к оценке советско-германского пакта о ненападении и 3 — к Мюнхенской конференции.

В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, в российской историографии и публицистике сформировались два основных направления, которые условно можно назвать «традиционным» и «критическим». «Традиционалисты», в основном, следуют за исторической справкой «Фальсификаторы истории», оправдывая советскую внешнюю политику накануне и во время Второй мировой войны. «Критики» осуждают многие аспекты этой политики, считая, что они были порождены тоталитарным сталинским режимом, противоречили демократическим принципам и международному праву, затрудняли борьбу против фашизма.

Явная или скрытая полемика между сторонниками этих направлений в значительной степени определяет подход современных российских историков к изучению Мюнхенской конференции и советско-германского пакта о ненападении.

Мюнхенская конференция

В последние годы в России опубликовано немало новых документов о Мюнхенской конференции⁵, однако они не меняют прежних представлений о ней. Подавляющее большинство современных российских историков вслед за своими советскими предшественниками оценивают Мюнхенскую конференцию как «сговор» правящих кругов Великобритании и Франции с гитлеровской Германией и одновременно как капитуляцию перед Гитлером; как наглядное проявление пагубной политики «умиротворения» агрессоров, которая разрушила отстаиваемую Советским Союзом систему коллективной безопасности и, в конечном счете, привела к войне⁶. Политика СССР в это время представляется им совершенно безупречной; они уверены, что «СССР настойчиво боролся за реализацию действенных мер по защите Чехословакии»⁷. С такими оценками советской внешней политики полемизирует С.З. Случ, по мнению которого «официально декларированный (Совет-

ским правительством. — В. С.) курс на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии... был не более чем тактическим маневром, удобным камуфляжем генеральной сталинской стратегии, направленной, как и ранее, на разделение мира и сталкивание одних государств с другими, на углубление противоречий и конфликтов, т.е. стратегии, связанной, в конечном счете, с экстраполяцией марксистско-ленинского учения о классовой борьбе на сферу межгосударственных отношений»⁸. С.З. Случ полагает, что нельзя говорить о настойчивой борьбе СССР в защиту Чехословакии; «документы позволяют сделать другой вывод, а именно, что политика Кремля в ходе чехословацкого кризиса была преимущественно изоляционистской, при всей — чисто внешней — дипломатической активности»⁹.

В подтверждение этого тезиса С.З. Случ приводит обнаруженное им в советских архивах письмо народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова советскому полпреду в Чехословакии от 26 марта 1938 г., где Литвинов пишет: «Моя декларация (с протестом против присоединения Австрии к Германии. — В. С.) является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы займем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе»¹⁰.

Такое доказательство представляется недостаточно точным. Во-первых, Литвинов лишь предположительно пишет о возможности занять в будущем «позицию малой заинтересованности», а во-вторых, — и это главное, — после захвата Австрии Германией СССР проявил очень большую заинтересованность развитием дел в Европе, и Литвинов неоднократно призывал демократические государства к сотрудничеству в защиту следующей жертвы агрессии — Чехословакии, причем особенно настойчиво в сентябре 1938 г., накануне и во время Мюнхенской конференции.

Точка зрения С.З. Случа пока не вызвала широкой дискуссии. Российских историков больше привлекали другие вопросы, связанные с Мюнхенской конференцией, а именно:

1. Действительно ли Советский Союз хотел оказать военную помощь Чехословакии, несмотря на отказ Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию?
2. Верно ли, что главной целью английских и французских «умиротворителей» было, как утверждал Сталин, стремление направить агрессию нацистской Германии против СССР?

Из публичных выступлений советских дипломатов и их секретных переговоров с французскими и чехословацкими представителями давно известно, что СССР не раз заявлял о готовности выполнить свои обязательства перед Чехословакией по пакту о взаимной помощи, если Франция, связанная с Советским Союзом договором о взаимопомощи, также придет на помощь Чехословакии, независимость ко-

торой она гарантировала. Однако Советский Союз не имел общих границ ни с Чехословакией, ни с Германией, и его войска могли помочь Чехословакии, только пройдя через Польшу и Румынию, которые этого не хотели.

2 сентября 1938 г. французское Министерство иностранных дел запросило СССР: «...на какую помощь может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии?» Литвинов ответил: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»¹¹. Для определения конкретной помощи Чехословакии Литвинов предложил «созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий»¹².

Касаясь вопроса о пропуске советских войск через Польшу или Румынию, Литвинов сказал, что было бы целесообразно поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций. «Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии». Может быть, не удастся добиться единогласного осуждения агрессора, но «даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности, если с большинством стала бы согласна и сама Румыния». Кроме того, Литвинов считал весьма желательным созвать «совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира» с участием Англии, Франции и СССР, которое (возможно, при поддержке США) могло бы принять декларацию, осуждающую агрессию¹³.

Из заявления Литвинова, тут же переданного чехословацкому правительству, видно, что советский план действий в защиту Чехословакии был планом коллективной безопасности. Он состоял в том, чтобы заручиться санкцией большинства членов Лиги Наций на отпор агрессорам и, может быть, получить одобрение США, а это могло бы побудить Польшу или Румынию дать согласие на пропуск советских войск. Конечно, Советский Союз надеялся, что Франция, — как она не раз заявляла, — тоже придет на помощь Чехословакии, но, в крайнем случае, был готов действовать самостоятельно, независимо от позиции Франции.

Это вытекает из заявлений Советского правительства правительству Чехословакии 20 сентября 1938 г. Как известно, 16 сентября премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен договорился с Гитлером о передаче Германии Судетской области Чехословакии, где немецкое население составляло большинство. 19 сентября Великобритания и Франция от своего имени предъявили это требование Чехословакии. Президент Чехословакии Э. Бенеш немедленно обратился к Советскому правительству с просьбой как можно скорее ответить на два вопроса:

- «1. Окажет ли СССР, согласно договору (о взаимной помощи. — В. С.) немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь?»
2. Поможет ли СССР Чехословакии «в качестве члена Лиги наций», если Чехословакия обратится туда за помощью в случае нападения Германии?¹⁴ Второй вопрос имел особо важное значение, ибо он подразумевал оказание помощи со стороны СССР независимо от Франции¹⁵.

На следующий день советское правительство дало утвердительный ответ на оба вопроса, проинформировав об этом французское правительство¹⁶.

Получив такой ответ, Чехословакия обратилась к Великобритании и Франции «с последним призывом», настаивая, чтобы они пересмотрели свою точку зрения», ибо «речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции»¹⁷.

Тогда Великобритания и Франция предъявили Чехословакии форменный ультиматум. Как это происходило, рассказал министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта в телеграмме посланникам Чехословакии в Лондоне и Париже. Явившись к президенту Бенешу в 2 часа ночи 21 сентября 1938 г., «французский и английский посланники сообщили:

1. То, что предложили Англия и Франция (т.е. передача Судетской области Германии. — В. С.), является единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии.
2. В случае если ответ Чехословацкой Республики будет отрицательным, она (а не Германия. — В. С.) будет нести ответственность за развязывание войны.
3. Это уничтожит франко-английскую солидарность, так как Англия не выступит.
4. Если же при этих обстоятельствах возникнет война, Франция не присоединится, т.е. не выполнит договора. Это было сказано именно так»¹⁸.

Англо-французский ультиматум вынудил чехословацкое правительство согласиться на передачу Судетской области Германии (хотя значительная часть населения Чехословакии требовала защищаться). «В Праге происходят потрясающие сцены, — докладывал в Москву советский полпред. — Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство... Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть»¹⁹.

Советское правительство осудило капитуляцию перед нацистскими агрессорами. Выступая на заседании Лиги Наций 21 сентября 1938 г., Литвинов заявил:

«Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценой удовлетворения appetitов ненасытных

агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств — не значит действовать в духе пакта Лиги наций»²⁰.

Литвинов подтвердил предшествующие заявления о том, что Советский Союз выполнит свои обязательства по договору о взаимной помощи с Чехословакией и готов немедленно принять участие в обсуждении военных вопросов с представителями французского и чехословацкого военных ведомств.

Литвинов вновь предложил план коллективных действий, который он обсуждал еще в беседе с французскими дипломатами 2 сентября 1938 г.: поставить вопрос об угрозе Чехословакии в Лиге Наций и созвать «совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша»²¹.

Предложение Литвинова не было принято, но он продолжал призывать к отпору агрессорам. 23 сентября 1938 г. (уже после принятия Чехословакией, как сказал Литвинов, «Германо-англо-французского ультиматума»), Литвинов заявил, что в случае предъявления Германией новых требований, «решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках» и помощи Франции «вступит в силу советско-чехословацкий пакт». Литвинов добавил, что Советский Союз мог бы прийти на помощь Чехословакии, даже если Франция откажется выполнять свои обязательства, но «лишь в порядке добровольного решения, либо в силу постановления Лиги Наций»²².

Когда Чехословакия обратилась к СССР с просьбой заявить в Варшаве, «что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию»²³, Советское правительство немедленно выполнило эту просьбу и сообщило о своем демарше в печати²⁴. Эти заявления не допускают кривотолков, но оставалось неясным, как Советский Союз может оказать реальную военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, если Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска?

Поскольку следование принципам международного права и уважение национального суверенитета других стран вовсе не входили в число приоритетов сталинского руководства, можно предположить, что, получив просьбу Чехословакии о помощи, заручившись согласием большинства членов Лиги Наций, при условии вступления в войну Франции (и тем более, Франции и Великобритании), советское руководство решилось бы силой проложить путь своим войскам через Польшу или Румынию, несмотря на их возражения. Конечно, это только предположение. Несомненно, однако, что предпринять такие действия без готовности Чехословакии обороняться, без ее просьбы о помощи, без участия в войне, по крайней мере, Франции, Советский Союз никак не мог. С точки зрения международного права, они означали бы агрессию СССР против Польши и Румынии, а в военном отношении — крайне невыгодное для СССР

вступление в войну против Германии один на один, без всяких союзников. Но действительно ли Советский Союз собирался воевать с Германией в защиту Чехословакии или ограничивался декларациями? Ответ могут дать сведения о перегруппировках и передвижениях советских войск.

Многие документы еще недоступны исследователям, но, тем не менее, с 1958 г. известно, что 25 сентября 1938 г. Советское правительство сообщило начальнику французского генерального штаба генералу Гамелену: «Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры:

1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.
2. Части, соответственно, пополнены резервистами.
3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности»²⁵.

В 1970-е гг. в архиве советского Министерства обороны были обнаружены директивы народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова командованию ряда военных округов (в первую очередь, приграничным — Киевскому и Белорусскому округам), предписывающие придвинуть к западным границам СССР крупные военные силы. В общей сложности в боевую готовность были приведены 1 танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых и одна мотострелковая бригада, 12 авиабригад и 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады, 16 полков и отдельные зенитные артиллерийские дивизионы²⁶.

Помимо этого, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоящий из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз²⁷. Ворошилов доложил Сталину и Молотову, что «в случае необходимости посылки авиации в Чехословакию готовят и могут быть отправлены 30.IX с.г. следующие авиачасти»: 4 полка бомбардировщиков — 246 самолетов и 4 полка истребителей — 302 самолета²⁸.

По свидетельству маршала М. В. Захарова, занимавшего тогда должность помощника начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационному и материально-техническим вопросам, в дни Мюнхенской конференции — 28 и 29 сентября 1938 г. — под видом учебных сборов началось «частичное отмобилизование войск» в европейских военных округах вплоть до Урала. В армию было призвано до 330 тысяч человек²⁹.

Эти сведения никем не опровергнуты и, очевидно, доказывают, что Советский Союз серьезно готовился к военным действиям в защиту Чехословакии. Однако чехословацкое правительство не обратилось за помощью ни к Советскому Союзу, ни к Лиге Наций,

не решилось оборонять свои границы и под давлением Великобритании и Франции капитулировало перед Германией.

В литературе неоднократно указывалось, что Мюнхенская конференция разрушила систему коллективной безопасности и привела к перегруппировке политических сил в Европе в пользу Германии³⁰; что «для гитлеровской Германии итоги мюнхенского сговора были сопоставимы с результатами победоносной войны, выигранной без единого выстрела»³¹.

Гораздо меньше внимания уделяли воздействию Мюнхенской конференции на психологию руководителей главных европейских держав, хотя оно имело большое значение. После первой личной встречи с Гитлером у Чемберлена, по его собственным словам, «сложилось впечатление, что это — человек, на слово которого можно положиться»³². Чемберлен и — в меньшей степени — глава французского правительства Э. Даладье думали, что в Мюнхене им удалось «откупиться» от войны за счет Чехословакии. После того, как Гитлер в марте 1939 г., вопреки данным им в Мюнхене обязательствам, захватил остатки Чехословакии, их иллюзии рассеялись, но далеко не сразу и не полностью.

У Гитлера Мюнхенская конференция породила уверенность в своей безнаказанности; в том, что ни Великобритания, ни Франция не решатся противодействовать ему военной силой и, следовательно, можно захватывать соседние государства, не опасаясь серьезного отпора. «Я видел этих жалких червей, Даладье и Чемберлена, в Мюнхене. Они слишком трусливы для того, чтобы напасть. Они не пойдут дальше блокады»³³, — говорил Гитлер своим генералам.

Сталин после Мюнхена чувствовал себя обманутым. Франция и Великобритания, которые накануне говорили о коллективной безопасности и о помощи Чехословакии, в последний момент предали ее, заставив капитулировать перед Гитлером. Советский Союз не был приглашен на Мюнхенскую конференцию и не хотел в ней участвовать, но Сталин был хорошо информирован о ее ходе благодаря советским разведывательным службам. Они имели свои источники в министерствах и посольствах ряда иностранных государств, а, кроме того, сумели добыть дипломатические шифры Великобритании. Сталин ежедневно получал копии донесений из британских посольств в Министерство иностранных дел, а также радиотелеграммы английских послов в Берлине, Париже, Праге и направляемые им инструкции³⁴.

В Мюнхенской конференции, которая завершилась договоренностью Германии, Италии, Англии и Франции, «советские лидеры увидели возможность соглашения Англии и Франции с Гитлером без Москвы и, может быть, за счет СССР. У Сталина эти действия лишь усилили его общее недоверие к английской политике, являвшейся мотором Мюнхена»³⁵.

Зная ход последующих событий, можно сказать, что представления всех четырех лидеров ведущих держав Европы были, по крайней мере, односторонними. Но в политике, как и во многих других областях, важнейшее значение имеют не сами факты, а представления о них, которые возникают в головах государственных деятелей и определяют их решения. Разрабатывая свою политику в «послемюнхенский период», Гитлер, Сталин, Чемберлен и Даладье исходили из тех оценок Мюнхенского соглашения и его возможных последствий, которые у них сложились.

Наряду с вопросом о роли и намерениях Советского Союза, в историографии постоянно дебатировался и другой вопрос, связанный с Мюнхенской конференцией: почему Чемберлен и Даладье пошли на столь невыгодное для их стран соглашение с Гитлером? Сами они оправдывали свои действия желанием избежать войны, к которой их страны не были готовы, стремлением сохранить мир путем уступок Германии за счет Чехословакии. Несомненно, такие соображения имели место. Если в 1936 г., когда немецкая армия еще только возрождалась, вероятно, можно было помешать ремилитаризации Рейнской области путем простой демонстрации превосходящей военной силы со стороны Франции и Великобритании, то в 1938 г. обстановка изменилась. После «аншлюса» Австрии Чехословакия была с трех сторон окружена территорией Германии; немецкая армия, превратившаяся в мощную силу, находилась в нескольких десятках километров от Праги, и ни Франция, ни Великобритания не могли помешать ей перейти границы Чехословакии. Тогда Гитлера можно было остановить только угрозой войны, причем войны европейского, а, может быть, и мирового масштаба. Но на такую войну, последствия которой никто не мог предвидеть, Чемберлен и Даладье не решались.

Советские руководители считали, что желание избежать войны — далеко не самая главная причина «мюнхенской политики» Англии и Франции. По их убеждению, ее суть состояла в другом — в стремлении направить экспансию гитлеровской Германии на восток, против СССР.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., Сталин сказал: «Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом». Сталин был уверен, что Великобритания и Франция ведут коварную игру: хотят дать всем государствам «увязнуть глубоко в тину войны, поощряя их в этом втихомолку; дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»³⁶

Высказывания Сталина, носившие директивный характер, повторялись в «Фальсификаторах

истории»³⁷, в трудах всех советских и почти всех современных российских историков, которые доказывают, что лидеры западных демократий «с невероятной настойчивостью и последовательностью пытались натравить Германию на СССР»³⁸.

Сообщение о подготовке публикации документов советской внешней разведки, относящихся к истории Мюнхенской конференции, было опубликовано в печати под заголовком: «Цель мюнхенского сговора — развернуть Гитлера на Восток». Готовивший публикацию ветеран службы внешней разведки генерал-майор в отставке Л. Соцков утверждает, что в Мюнхене у Чемберлена и Даладье «была сверхзадача», а именно — «добиться, чтобы Гитлер двинулся на Восток... Собственно, ради неё Чехословакия и была принесена в жертву»³⁹.

Советские и российские историки не объясняли, как именно Германия могла бы напасть на Советский Союз, отделенный от неё территориями Польши, Румынии и Литвы, пользовавшихся поддержкой Великобритании и Франции, но все они, начиная от авторов «Фальсификаторов истории», ссылались на то, что фактически частью мюнхенских соглашений были англо-германская декларация 30 сентября 1938 г. и франко-германская декларация 6 декабря 1938 г., равнозначные, по существу, пактам о ненападении⁴⁰. В этих декларациях говорилось, что Великобритания и Германия рассматривают мюнхенское соглашение как символ желания их народов «никогда более не вести войну друг против друга». Германия и Франция объявили, что у них «нет больше никаких спорных вопросов территориального характера»; они приложат все усилия для поддержания мирных отношений между своими странами и будут «поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран».

Большинство современных российских историков по-прежнему считают, что «в этих соглашениях с гитлеровской Германией совершенно ясно обнаружилось стремление английского и французского правительств отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчете на то, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота для гитлеровской агрессии на Восток, в направлении Советского Союза»⁴¹. Лишь немногие историки, не приводя, впрочем, никаких доказательств, полагают, что «рассуждения относительно «подталкивания» германской агрессии на восток как чуть ли не одной из доминант британской внешней политики относятся к числу пропагандистских клише, в свое время взятых на вооружение советской исторической наукой, а не итогом серьезного анализа такого сложного явления, каким являлась политика «умиротворения»⁴².

Историки, убежденные в том, что Великобритания и Франция хотели направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, указывают, что вскоре после Мюнхенской конференции в печати Великобритании, Франции и США появились публи-

кации о возможности создания так называемой «Великой Украины», куда вошла бы отделенная от СССР советская Украина и Закарпатская Украина. Они напоминают, что 24 ноября 1938 г. Чемберлен и Даладье вместе со своими министрами иностранных дел Э. Галифаксом и Ж. Бонне обсуждали положение, сложившееся после Мюнхенской конференции. В записи их переговоров сказано: «Г-н Чемберлен спросил, какова бы была позиция Франции, если бы Россия попросила Францию о помощи на том основании, что Германия спровоцировала бы сепаратистское движение на Украине? Г-н Бонне объяснил, что французские обязательства перед Россией вступят в силу только в случае прямой атаки Германии на русскую территорию. Г-н Чемберлен сказал, что он расценивает ответ г-на Бонне как полностью удовлетворительный»⁴³.

При подписании франко-германской декларации министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне обсуждали вопрос о разграничении сфер влияния Германии и Франции. Касаясь договоров Франции со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, Риббентроп предупредил, что прочное соглашение между Францией и Германией возможно только в том случае, «если Франция раз и навсегда будет с уважением относиться к этой германской сфере влияния». Бонне ответил, что «после Мюнхена эти связи полностью изменились»⁴⁴. По словам Риббентропа, «в Париже г. Бонне заявил, что он больше не заинтересован в вопросах, касающихся Востока». Впоследствии Бонне это отрицал, но Риббентроп понял его именно так. Риббентроп атаковал формально еще остававшийся в силе советско-французский договор о взаимопомощи, который он объявил «препятствием на пути франко-германского сближения». Бонне сказал, что этот договор «был заключен в особых обстоятельствах» предшествующим французским правительством, за действия которого Бонне, следовательно, не отвечает.

Риббентроп предъявил претензии и на бывшие немецкие колонии, но Бонне отказался их обсуждать, подчеркнув, что Франция уже «пошла на очень значительные уступки в Мюнхене» и из-за давления общественного мнения «ничего не может сделать для Германии в колониальном вопросе». Тогда Риббентроп заявил, что декларация 6 декабря 1938 г. «не означает отказа от законных германских требований на ее бывшие колонии, которые сейчас находятся под французским мандатом»⁴⁵.

Французский посол в Берлине Р. Кулондр доносил своему правительству, что в Германии одобряют франко-германскую декларацию 6 декабря, полагая, что она позволяет Германии «предохранить себя на Западе» во время осуществления немецких завоевательных планов на Востоке. Отметив, что Германия стремится к подчинению Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии и Украины; что в немецких

«военных кругах уже говорят о военной прогулке вплоть до Кавказа и Баку», Кулондр сделал вывод: «Стремление Третьего Рейха к экспансии на Восток мне представляется столь же несомненным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе. Одно является необходимым следствием другого»⁴⁶. Новые исследования французских историков показывают, что во французских правящих кругах имелись влиятельные сторонники предоставления Германии «свободы рук» на востоке. Так, например, начальник штаба французского военного флота адмирал Дарлан в январе 1939 г. писал Даладье: «Мы должны прежде всего сохранить нашу империю. Остальное — второстепенно. Итак (если Германия не поддержит колониальные притязания Италии), мы должны предоставить ей свободу действий на Востоке»⁴⁷.

По нашему мнению, эти документы позволяют утверждать, что после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать против СССР связанных с ней украинских националистов для отделения Украины от СССР, то есть прибегнет к тому, что позднее назвали «косвенной агрессией». Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по франко-советскому договору о взаимной помощи. Надо, однако, иметь в виду, что все эти документы относятся к периоду до 15 марта 1939 г., когда Гитлер, нарушив данные им в Мюнхене обещания, оккупировал Чехословакию.

После этого верх взяли не сторонники соглашения с Германией, а её противники, лидером которых в Великобритании был У. Черчилль, а во Франции — П. Рейно⁴⁸.

Еще одна важная проблема, связанная с Мюнхенской конференцией, к сожалению, не привлекла большого внимания российских историков. Её поднимал только Г. Ф. Матвеев⁴⁹.

Речь идет о защите интересов национальных меньшинств и праве наций на самоопределение. Именно защитой прав национальных меньшинств, их желанием воссоединиться с частью нации, проживающей в соседних государствах, Германия, Польша и Венгрия оправдывали свои территориальные претензии к Чехословакии. Германия требовала передать ей Судетскую область, населенную в основном немцами, Польша — Тешинскую область, где проживало многочисленное польское население, Венгрия — Закарпатскую Украину и часть Словакии, где издавна жили венгры. Официально Мюнхенская конференция и была создана как раз для того, чтобы урегулировать проблемы национальных меньшинств, проживавших в Чехословакии.

В Мюнхене было решено в течение 10 дней передать Германии Судетскую область, причем Германия и Италия обещали гарантировать новые границы

Чехословакии, «как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии»⁵⁰.

Уже на следующий день польское правительство при поддержке Германии предъявило Чехословакии ультиматум, требуя передачи ей Тешинской области. Чехословакия была вынуждена принять польский ультиматум, и 2 октября 1938 г. польские войска вступили в Тешинскую область⁵¹.

Через 4 дня, — 6 октября 1938 г., — Словакия объявила о своей автономии, сделав крупный шаг к отделению от Чехословакии. Еще через месяц — 2 ноября 1938 г. — решением так называемого Венского арбитража Германия и Италия передали Венгрии Закарпатскую Украину и часть Словакии. То, что осталось от Чехословакии, было оккупировано Германией 15 марта 1939 г.

Советско-германский пакт о ненападении

Пожалуй, самое удивительное в изучении советско-германского пакта о ненападении в СССР состоит в том, что его важнейшая часть — секретный «дополнительный протокол», в течение полувека оставался неизвестным большинству советских людей и даже многим историкам. Ознакомиться с текстом «дополнительного протокола», опубликованным США, Великобританией и Францией еще в 1948 г.⁵², могли лишь те, сравнительно немногочисленные советские специалисты, которые владели иностранными языками и имели «допуск» в «спецхраны» центральных советских библиотек.

Но и для них это было, так сказать, потаенное знание. Поделиться им публично они не могли, потому что цензура не допускала никаких упоминаний о «дополнительном протоколе» 23 августа 1939 г. (как и о советско-германском «договоре о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. и приложенных к нему трех секретных протоколах).

Конечно, каждый, кто удосужился бы заглянуть в старые советские газеты за сентябрь 1939 г., мог обнаружить там германо-советское коммюнике, где говорилось, что Германия и СССР установили «демаркационную линию» между германскими и советскими армиями, действующими в Польше, и увидеть на карте эту линию, полностью соответствовавшую «дополнительному протоколу»⁵³. Это показывало, что между гитлеровской Германией и СССР явно имеются какие-то договоренности о совместных действиях.

«Договор о дружбе и границе» (разумеется, без секретных протоколов) и карта новой германо-советской границы, проведенной по территории Польши, также были опубликованы в советской печати⁵⁴. Однако читателей старых газет было немного, а длительная и страшная Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии как бы вычеркнула из памяти советских людей факты сравнительно кратковременного довоенного

сотрудничества СССР и Германии. Мысль о том, что Советский Союз мог сотрудничать со своим злейшим врагом — нацистской Германией, — казалась им невероятной и оскорбительной.

Даже в 1988–1989 гг., в период «перестройки», начатой Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, когда цензура была фактически ликвидирована и стало возможно публично говорить о секретных протоколах, многие советские люди отказывались верить в их существование. В это время вопрос о секретных протоколах стал объектом острейшей политической борьбы, тесно связанной с развернувшимся в прибалтийских республиках движением за выход из Советского Союза.

На Первом съезде народных депутатов СССР летом 1989 г. депутат от Эстонии И. Н. Грязин впервые огласил текст «дополнительного протокола», который до этого оставался неизвестным подавляющему большинству советских людей. По инициативе депутатов от Прибалтики Съезд сформировал «Комиссию по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», куда вошли 25 депутатов, в том числе представители прибалтийских стран, работники ЦК КПСС и будущий патриарх Московский и всея Руси (тогда еще митрополит) Алексей. Возглавил комиссию член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев.

Горбачев, руководивший работой Съезда, не препятствовал созданию комиссии, но утверждал, что подлинник секретного протокола 23 августа 1939 г. не обнаружен ни в СССР, ни в Германии⁵⁵, тогда как на самом деле он лежал в архиве Политбюро ЦК КПСС и, по свидетельству сотрудников Горбачева, был ему хорошо известен⁵⁶. Через полгода комиссия Яковлева доложила Второму съезду народных депутатов, что «секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах»⁵⁷. Комиссия предложила осудить факт подписания секретных протоколов и признать их юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Некоторые депутаты отказывались верить Комиссии; другие не соглашались с ее выводами. Они понимали, что признание «дополнительного протокола» недействительным с момента подписания ставит под сомнение законность присоединения прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу и может дать основание для обвинения СССР в их захвате. «Как же так согласиться нам, советским людям, что мы завоеватели!»⁵⁸ — с негодованием воскликнул депутат И. И. Сухов. «Принимая такое решение, мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде!.. Я призываю вас к разуму! Взываю!»⁵⁹ — говорил депутат от Украины В. С. Образ.

Все критики представленного Комиссией проекта постановления ссылались на то, что подлинник «дополнительного протокола» не найден и, следовательно, — как сказал один из депутатов: «Съезд осуждает несуществующие документы»⁶⁰. От имени «жертв сделки 23 августа 1939 года — балтийских народов» им страстно возражал латвийский депутат, коммунист с 50-летним стажем М. Г. Вульфсон. Он требовал осудить «позорные последствия сговора двух алчных, жестоких тиранов двадцатого века» — Гитлера и Сталина — и заверял депутатов, как вскоре выяснилось, напрасно: «Нет для вас врага в Балтике, нет»⁶¹.

Поставленный на голосование проект комиссии Яковлева не собрал необходимого большинства голосов. Решено было внести в него поправки и снова поставить на голосование. На следующий день Яковлев опять доказывал, что «дополнительный протокол» все же существовал, хотя его подлинник не обнаружен. Комиссия внесла в свой проект несколько поправок, ослаблявших критику предвоенной советской политики, но и тогда часть депутатов голосовала против проекта. За постановление Съезда, одобрявшее переработанный проект комиссии Яковлева, голосовало 1432 депутата, против — 252, воздержались 264 депутата⁶².

В постановлении Съезда от 24 декабря 1989 года, подписанном Горбачевым, говорилось: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁶³. В угоду все еще очень влиятельным поклонникам Сталина в постановлении была сделана попытка отделить секретный протокол от собственно пакта о ненападении, содержание которого будто бы «не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований»⁶⁴.

После этого секретные протоколы были опубликованы в журнале «Международная жизнь»⁶⁵ и в сборниках дипломатических документов, изданных Министерством иностранных дел СССР⁶⁶ с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии».

Лишь через три года, когда Горбачев уже ушел в отставку, Советский Союз распался и президентом России стал Б. Н. Ельцин, газеты сообщили, что подлинники секретных протоколов обнаружены в советских архивах. «Известия» снабдили сообщения об этой «находке» выразительным заголовком «Подлинные протоколы позорного сговора»⁶⁷.

В 1992 г. секретные протоколы все еще с пометкой «печатается по сохранившейся машинописной копии» были обнародованы в официальной публикации документов советской внешней политики, осуществленной Министерством иностранных дел Российской Федерации⁶⁸.

Формально постановление Съезда народных депутатов имело силу закона, но оно не остановило полемики вокруг советско-германского договора о ненападении, хотя ее содержание изменилось. Разумеется, никто больше не отрицал существования секретных протоколов. Не имели большого успеха и предпринятые в соответствии с постановлением Съезда попытки отделить осужденный Съездом секретный «дополнительный протокол» от самого договора о ненападении, который будто бы «не может вызвать сколько-нибудь серьезных правовых или политических нареканий»⁶⁹, несмотря на то, что дополнительный протокол, по словам подписавшего его наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, «представлял органическую часть пакта»⁷⁰.

Главное внимание российских историков теперь привлекали следующие вопросы:

1. Когда и кто начал процесс подготовки советско-германского пакта о ненападении? Германия или СССР? Сталин или Гитлер?
2. Какими соображениями руководствовалось сталинское руководство СССР, принимая решение о заключении пакта о ненападении с нацистской Германией?
3. Как оценить советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» с точки зрения национальных интересов СССР?

Комиссия Яковлева пришла к выводу, что инициатором сближения с СССР была Германия. В докладе Комиссии сказано: «Со стороны Германии с конца 1938 — начала 1939 года начался зондаж возможностей улучшения отношений с СССР»⁷¹. С этим согласны почти все «традиционалисты»⁷².

Они считают, что «после Мюнхена германское правительство осторожно взяло курс на сближение с СССР»⁷³. Уже 1 декабря 1938 г. Германия поставила вопрос о возобновлении торгового соглашения и начала переговоры по торгово-экономическим вопросам. 1 января 1939 г. на традиционном дипломатическом новогоднем приеме в Берлине Гитлер подошел к советскому послу (полпреду) А. Ф. Меркалову и сказал ему несколько любезных слов; спросил о семье, о поездке в Москву, о житье в Берлине, пожелал послу успехов⁷⁴. Это было истолковано как желание Гитлера улучшить отношения с СССР⁷⁵.

С апреля 1939 г., когда Гитлер принял решение о нападении на Польшу и хотел ее политически изолировать, немецкие дипломаты начали говорить советским представителям в Берлине о желательности нормализации советско-германских отношений.

«Критиков» такие доводы не убеждают. Они уверены, что инициатором сближения СССР с Германией был Советский Союз и лично Сталин. По их мнению, «на всем протяжении 1933–1939 гг. заинтересованность в улучшении политических отношений между СССР и Германией постоянно исходила только от Сталина»⁷⁶. После Мюнхена эта тенденция еще более усилилась. «Приоритетной задачей после-

мюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией», причем «это его решение было predetermined обозначившейся общностью внешнеполитических интересов советского и нацистского руководства»⁷⁷.

В качестве доказательства «критики» приводят доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., где Сталин обрушился на «провокаторов войны», которые хотели бы спровоцировать конфликт СССР с Германией «без видимых на то оснований». Сталин сказал, что Советский Союз должен «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Он дважды повторил, что СССР будет проводить политику мира и укрепления деловых связей «со всеми странами»⁷⁸, то есть и с нацистской Германией.

Это явно был сигнал, направленный Германии. В. Я. Сиполс полагает, что «из таких слов сделать подобные выводы никак нельзя»⁷⁹, но ближайший соратник Сталина, председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов думал иначе. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. с докладом о ратификации советско-германского договора о ненападении, он напомнил о высказываниях Сталина на XVIII съезде ВКП(б) и подчеркнул, что Сталин «еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, что в Германии, в общем, правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы»⁸⁰. 17 апреля 1939 г. во время встречи со статс-секретарем Министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзекером советский полпред, согласно его собственному донесению, «ставит вопрос, как смотрит В(айцзекер) на перспективы отношений между СССР и Германией?» Вайцзекер ответил: «Мы искренне хотим развить с Вами экономические отношения»⁸¹. В. Я. Сиполс почему-то считает, что в этой беседе инициатива «исходила не с советской, а с германской стороны»⁸², хотя в тексте донесения совершенно ясно сказано: «полпред ставит вопрос». С точки зрения «критиков», это доказывает, что «к началу весны 1939 г. Сталин уже сделал выбор в пользу активного сближения с Германией»⁸³.

Еще более наглядным показателем поворота в советской внешней политике они считают смещение Литвинова — самого известного на Западе поборника коллективной безопасности — и замену его Молотовым, который одновременно остался председателем Совнаркома. Молотов сменил Литвинова 3 мая 1939 г., и уже 20 мая во время одной из своих первых встреч с немецким послом в Москве, графом фон Шуленбургом заявил: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁸⁴.

По мнению В. Я. Сиполса, Молотов тем самым дал «отрицательный ответ»⁸⁵ на предложения

Шуленбурга «урегулировать экономические отношения с СССР»⁸⁶, тогда как «критики» расценивают слова Молотова как предложение политического сотрудничества с Германией со стороны СССР, тем более что, по словам самого Молотова, «видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью»⁸⁷.

Достаточно ли этого, чтобы считать, что Сталин уже сделал окончательный выбор в пользу соглашения с Германией или он вел «двойную игру», выбирая, какой вариант будет выгоднее для Советского Союза: соглашение с Германией или союз с Великобританией и Францией? Нам представляется, что совокупность фактов говорит, скорее, в пользу предположения о «двойной игре». В течение примерно двух месяцев политических переговоров с Германией не велось, тогда как московские переговоры о тройственном союзе СССР, Англии и Франции против Германии продолжались очень интенсивно.

В конце концов, СССР сделал выбор в пользу соглашения с Германией, но когда именно это произошло? Некоторые исследователи пишут, что «все решилось в последний час»⁸⁸, но факты этого не подтверждают. В докладе комиссии Яковлева говорится, что 11 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем сообщить в Берлин»⁸⁹. Яковлев не сказал, было ли зафиксировано это решение в протоколе заседаний Политбюро или в каком-либо ином документе. Во всяком случае, историки до сих пор не смогли ознакомиться с таким документом. В официальной публикации документов советской внешней политики также нет сообщения в Берлин о том, что Советское правительство готово вступить в обсуждение поднятых немцами вопросов. Опубликована только телеграмма Молотова временному советскому поверенному в делах в Германии Г. А. Астахову 11 августа 1939 г.: «Перечень объектов, указанных в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве»⁹⁰. Если указанная Яковлевым дата соответствует действительности, то, значит, переговоры СССР с военными миссиями Великобритании и Франции, начавшиеся в Москве 12 августа, велись Советским правительством только для отвода глаз или, может быть, для оказания давления на Германию, чтобы побудить ее к скорейшему заключению пакта о ненападении или выторговать более выгодные условия.

Есть, однако, серьезные основания думать, что принципиальное решение о соглашении с Германией было принято ранее 11 августа. В докладе комиссии Яковлева выделяется «принципиально важный рубеж» — с 26 июля по 3 августа 1939 года. «Именно в это время происходит активизация контактов на всех уровнях», причем «первый шаг делает германская сторона»⁹¹.

На самом деле речь шла не об «активизации контактов», а о начале переговоров по разграничению сфер интересов Германии и СССР, и не с 26, а с 24 июля 1939 г. В этот день заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики Министерства иностранных дел Германии К. Шнурре встретился с временным советским поверенным в делах Г. А. Астаховым и завел с ним речь о нормализации отношений с СССР. Посетовав на то, что «неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа», Шнурре заявил, что «налицо все данные для такого сближения». Развивая дальше эту тему, Шнурре сказал: «Если советская сторона не доверяет серьезности германских намерений, то пусть она скажет, какие доказательства ей нужны. Противоречий между СССР и Германией нет. В Прибалтике и Румынии Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР. Антикоминтерновское соглашение? Но ведь нам должно быть ясно, что оно направлено против Англии»⁹².

Через день, 26 июля 1939 г., Шнурре снова встретился с Астаховым и говорил с ним еще более конкретно.

Повторив, что руководители Германии хотят «нормализовать и улучшить» отношения с СССР, «но, к сожалению, СССР на это не реагирует», Шнурре сказал: «Мы не представляем себе, чтобы СССР было выгодно встать на сторону Англии и Польши, в то время как есть полная возможность договориться с нами»⁹³. Когда Астахов упомянул о немецком проникновении в Прибалтику и Румынию, Шнурре ответил: «Наша деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались (исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии)... Еще легче было бы договориться относительно Польши»⁹⁴.

Пересылая 26 июля записи своих разговоров со Шнурре заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, Астахов писал: «Стремление немцев улучшить отношения с нами носят достаточно упорный характер», и «если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам»⁹⁵. Из письма Астахова явствуют две вещи. Во-первых, инициатором переговоров об улучшении отношений являлась немецкая сторона; а во-вторых, решение вступить в далеко идущие переговоры с Германией еще не было принято советским руководством или, во всяком случае, Астахов о нем не знал.

В этом убеждает и телеграмма Молотова Астахову, посланная 28 июля:

«Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно»⁹⁶. Однако уже на следующий день, 29 июля, Молотов направил Астахову совсем другую телеграмму: «Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Всякое улучшение отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»⁹⁷. Еще ранее, 29 июня, в «Правде» появилась большая статья А. А. Жданова, который тогда вместе с Молотовым являлся наиболее приближенным к Сталину человеком, занимавшимся вопросами внешней политики. Статья была озаглавлена «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Жданов утверждал, что «англо-франко-советские переговоры зашли в тупик», потому что англичане и французы хотят только «такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств», а на это «ни одна уважающая себя страна» не пойдет. В заключение Жданов заявлял, что Англии и Франции нужны только разговоры о договоре с СССР, чтобы оправдаться перед общественным мнением и «облегчить себе путь к сделке с агрессорами»⁹⁸. Статья Жданова явно была направлена на оправдание возможного провала переговоров с Англией и Францией.

По-видимому, именно между 28 и 29 июля Сталин решил начать переговоры о соглашении с Германией.

2 августа 1939 г. Риббентроп пригласил к себе Астахова и заявил ему: «Никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться»⁹⁹. На следующий день Шуленбург повторил то же самое Молотову¹⁰⁰. Немецкие дипломаты намекнули, что возможно разграничить интересы Германии и СССР при помощи секретного протокола.

Советское правительство не сразу ответило согласием. 7 августа Молотов телеграфировал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»¹⁰¹. 8 августа 1939 г. Астахов написал Молотову письмо, в котором, перечислив различные экономические и административные вопросы, вызывавшие разногласие между Германией и СССР, добавил: «Фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами»¹⁰². Именно на это письмо Астахова Молотов 11 августа ответил приведенной выше телеграммой со словами: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует»¹⁰³.

Переговоры продолжались еще несколько дней, вплоть до 21 августа 1939 г., но очевидно, что принципиальное решение уже было принято.

Историком давно занимал и продолжает заниматься вопрос, какими соображениями руководствовался Сталин и его окружение, принимая такое решение? «Традиционалисты» вслед за авторами «фальсификаторов истории»¹⁰⁴ считают, что это было «вынужденное решение советского правительства» с целью обеспечить безопасность СССР, ограничить «продвижение германских армий к границам СССР», вернуть «государства и территории, ранее входившие в состав России, отнятые у неё после Первой мировой войны», а главное — «не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии»; предотвратить возможность соединения Германии, Англии и Франции в общую антисоветскую коалицию¹⁰⁵.

«Критики» утверждают, что «советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не был вынужденной акцией с советской стороны; в Кремле настойчиво стремились именно к такому соглашению с Берлином»¹⁰⁶.

По их мнению, «международная стратегия сталинского руководства как была, так и осталась заданной марксистскими парадигмами»¹⁰⁷; её суть определялась «расчетом на подрыв капитализма в новой мировой войне»¹⁰⁸.

Резко осуждая «экспансионистскую политику» Сталина, они полагают, что осуществление его «экспансионистской политики было возможно только с опорой на нацистскую Германию, а не на западные державы»¹⁰⁹. Высказывалась даже весьма экстравагантная точка зрения, согласно которой, заключая договор о ненападении с Германией, Сталин «стремился усилить военную мощь третьего рейха и тем самым добиться затяжной войны на Западе, которая обескровила бы обе стороны, дав, тем самым, возможность выиграть время для лучшей подготовки СССР к неизбежной войне в будущем»¹¹⁰.

К сожалению, все эти точки зрения основываются не столько на документах, сколько на более или менее вероятных умозаключениях и предположениях, потому что Сталин редко говорил о своих тайных замыслах, и они далеко не всегда находили отражение в документах.

Нам представляется, что наиболее надежным документом для понимания намерений и опасений советского руководства является оперативный план возможных военных действий Красной Армии на 1938–1939 гг. Этот сверхсекретный документ, написанный от руки начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым в единственном экземпляре, носил название «Записка начальника Генштаба Красной Армии Наркому обороны СССР, маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову о наиболее вероятных противниках СССР»¹¹¹. План был представлен правительству 24 марта 1938 г., утвержден Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем

19 ноября 1938 г. и не пересматривался вплоть до августа 1940 г.¹¹². Из оперативного плана видно, что руководителей СССР больше всего беспокоила опасность войны на два фронта: на Западе — против Германии, на Востоке — против Японии.

Оговорившись, что «документальными данными об оперативных планах (возможных противников. — В. С.) как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб РККА не располагает»¹¹³, Шапошников писал: «Складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Высказывая предположение, что в случае войны Литва будет изолирована Германией, Шапошников отмечал: «Что же касается Латвии, Финляндии и Эстонии, то при их выступлении или же нарушении Германией их нейтралитета, нужно считаться с появлением германских войск на их территории»¹¹⁴.

Практический вывод состоял в следующем: «Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии»¹¹⁵. Генеральный штаб особо подчеркивал: «Главные противники и главный театр военных действий на Западе, поэтому здесь должны быть сосредоточены и главные силы»¹¹⁶.

Обращает на себя внимание, что главным противником Советского Союза считался «фашистский блок» и прежде всего Германия. Включение Польши в число союзников «фашистского блока» и предположение, что она может оказаться на стороне Германии в войне против СССР, по-видимому, объясняется тем, что во время и после Мюнхенской конференции Польша выступала вместе с Германией, требуя территориальных уступок от Чехословакии. Возможность выступления на стороне Германии так называемых «лимитрофов» (то есть прибалтийских стран) связывалась с нарушением Германией их нейтралитета, то есть «косвенной агрессией».

В оперативном плане не было никаких упоминаний о возможных союзниках СССР, хотя все еще существовал советско-французский договор о взаимной помощи. Очевидно, Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Великобританию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран.

Судя по оперативному плану, главная цель советской внешней политики состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта, которая казалась советским руководителям не только возможной, но и близкой.

В мае 1939 г. войска Японии и контролируемого Японией государства Маньчжоу-Го вторглись на территорию Монгольской Народной Республики

в районе реки Халхин-Гол, утверждая, что эта территория будто бы принадлежит Маньчжоу-Го. Советский Союз, с 1936 г. связанный с Монгольской Народной Республикой договором о взаимной помощи, направил в район конфликта свои войска. Военные действия между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками продолжались более 3 месяцев и закончились только в середине августа 1939 г. разгромом японских войск. По сравнению с гигантскими битвами Второй мировой войны масштабы военных операций на реке Халхин-Гол были сравнительно невелики: с обеих сторон в них участвовали по несколько дивизий. Однако летом 1939 г. невозможно было предвидеть, останутся ли бои на Халхин-Голе только локальным вооруженным конфликтом или они перерастут в полномасштабную войну между СССР и Японией.

Тем временем, на Западе назревал еще более опасный конфликт. После захвата Чехословакии Германия предъявила территориальные претензии к Польше и потребовала передать ей город Данциг, который до Первой мировой войны входил в состав Германии. 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал «Белый план» нападения на Польшу. От своей разведки Сталин получил информацию, что немецкое нападение на Польшу произойдет, скорее всего, в августе 1939 г.¹¹⁷.

В сложившейся обстановке советское руководство могло выбирать одну из трех возможностей: соглашение с Германией, союз с Великобританией и Францией или строгий нейтралитет. Соглашение с Германией сулило Советскому Союзу большие территориальные приращения и возможность на время остаться вне войны, грозившей начаться в ближайшие дни. Соглашение с Великобританией и Францией, которые поддерживали Польшу, обеспечивал СССР мощных союзников в борьбе с Германией, но предполагало немедленное вступление в войну в случае нападения Германии на Польшу, причем такой вариант не сулил СССР никаких территориальных приращений. Некоторые историки высказывали мнение, что СССР мог бы «сохранять статус подлинно нейтрального государства», не вступая в соглашения ни с Германией, ни с Великобританией и Францией, а «выигрывая время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне»¹¹⁸.

Вряд ли бы это спасло Польшу от разгрома, но, несомненно, не позволило бы Советскому Союзу расширить свою территорию.

В случае союза СССР с Великобританией и Францией опять, как во времена Мюнхена, неизбежно вставал вопрос: как Советский Союз, не имевший общей границы с Германией, мог бы развернуть наступление против Германии, если Польша и Румыния отказываются пропустить его войска через свою территорию? Возникал и другой, очень важный для Советского Союза, вопрос: какую помощь окажут ему Великобритания и Франция, если СССР вступит в войну с Германией в результате ее

нападения на Польшу? Советский Союз, естественно, был заинтересован в том, чтобы Великобритания и Франция направили против Германии максимально крупные силы.

Советские представители предлагали заранее согласовать их численность и планы возможных военных действий, однако Великобритания и Франция уклонялись от каких-либо конкретных обязательств и не готовили никаких планов совместных военных операций. Обе стороны не доверяли друг другу и подозревали своих партнеров в самых коварных замыслах. Советская разведка раздобыла «информацию об инструкциях, которые были даны правительствами Великобритании и Франции военным делегациям на переговорах в Москве»¹¹⁹. Теперь эти инструкции опубликованы, и мы знаем, что там написано. Британская военная миссия должна была вести переговоры «очень медленно» и не принимать на себя «какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при всех обстоятельствах». На важнейший вопрос о пропуске советских войск через Польшу или Румынию предписывалось отвечать уклончиво и, в крайнем случае, сослаться на необходимость получить дополнительные указания от своего правительства¹²⁰.

Инструкции французской военной миссии касались, главным образом, возможных поставок советских военных материалов и сырья Польше и Румынии, а также поддержания морских и воздушных коммуникаций между СССР и западными державами. Особо указывалось, что Польше и Румынии «следует дать заверения относительно их восточных границ»¹²¹, то есть против их возможного изменения в пользу СССР. Зная это, в советском руководстве опасались, что, заключив союз с СССР, Великобритания и Франция, вероятно, объявят войну Германии в случае ее нападения на Польшу, но вряд ли предпримут крупные наступательные операции, оставив Советский Союз один на один с Германией. Когда стали доступными французские архивы, историки выяснили, что французский Генеральный штаб действительно намеревался придерживаться в начале войны оборонительной стратегии. Его начальник генерал Гамелен говорил на заседании высшего военного руководства 25 ноября 1938 г.: «В начале конфликта наша позиция может быть выжидательной; мы особенно нуждаемся в обороне. Только когда военные усилия англичан достигнут достаточного уровня, мы сможем подумать о том, чтобы атаковать Германию»¹²². В начале войны именно этот план и проводился в жизнь. После нападения Германии на Польшу ни Великобритания, ни Франция не оказали ей сколько-нибудь серьезной военной помощи, хотя Франция обязалась на 15-й день войны развернуть наступление против Германии «главными силами»¹²³. Трудно вообразить, чтобы в случае участия в войне СССР, Великобритания и Франция действовали иначе.

Все советские и большинство российских историков придавали очень большое значение тому факту, что британское правительство во время московских переговоров летом 1939 г. тоже вело «двойную игру». Участвуя в переговорах о союзе с Францией и СССР против Германии, оно одновременно тайно обсуждало с Германией возможность заключения пакта о ненападении и о разграничении сфер влияния. Впервые это стало широко известно из «Фальсификаторов истории»¹²⁴ и трофейных немецких документов, в разное время опубликованных в СССР¹²⁵. В ходе московских переговоров в июне, июле и августе 1939 г. английский министр по делам заморской торговли Р. Хадсон и советник Чемберлена Г. Вильсон (готовивший в 1938 г. встречу Чемберлена с Гитлером), встречались с прибывшим в Лондон немецким уполномоченным по четырехлетнему плану Г. Вольтатом и немецким послом в Великобритании Г. Дирксеном. Один из лидеров лейбористской партии Ч. Бакстон также имел доверительную беседу с Дирксеном.

Согласно записям Дирксена, Вильсон заявил, что в случае широкого англо-германского соглашения и пакта о ненападении между Великобританией и Германией «ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Гораций Вильсон определенно сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши»¹²⁶. Еще дальше пошел Бакстон, который 29 июля 1939 г. сказал Дирксону, что в обмен на обещание Германии «не вмешиваться в дела британской империи», Англия «обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе». В этом случае она могла бы отказаться от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов», и действовала бы «в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе»¹²⁷.

Что это было: дипломатический зондаж или нечто большее? Российский историк В. Я. Сиполс, работавший в британских архивах, обнаружил там запись выступления Чемберлена на заседании правительства «в те дни» (т.е., видимо, в июле или августе 1939 г.). Чемберлен тогда сказал: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас»¹²⁸. Ссылаясь на эти данные и на сведения о будто бы намечавшейся на 21 августа 1939 г. поездке Геринга в Великобританию, В. Я. Сиполс приходит к выводу: Это была «попытка заключения с Гитлером нового соглашения Мюнхенского типа теперь за счет Польши и других стран Восточной Европы, которые Англия была готова признать сферой господства Германии»¹²⁹.

Ценная информация о планах Сталина содержится в его беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. М. Димитровым, которая

состоялась в присутствии Молотова и Жданова 7 сентября 1939 г. (через неделю после нападения Германии на Польшу), но была опубликована только 60 с лишним лет спустя¹³⁰.

Сталин тогда сказал Димитрову: «Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и за это ничего не платить. Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше, ничего не получая».

Пойти, по выражению Сталина и Жданова, «в батраки», разумеется, означает взять на себя главную тяжесть войны против Германии, но что значит «ничего не получая»? На какую плату рассчитывал Сталин? Скорее всего, примерно на такую, какую он получил от Германии по «дополнительному протоколу».

Оправдывая уже predetermined «дополнительным протоколом» раздел Польши, Сталин назвал ее «фашистским государством», которое «угнетает украинцев, белорусов и т.д.». По его мнению, «что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»

Беседа Сталина с Димитровым показывает, что были правы и те историки, которые усматривали в его действиях намерения столкнуть две коалиции капиталистических государств, а самому остаться в стороне. Сталин говорил Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Не плохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»¹³¹.

Вопрос о мотивах действий сталинского руководства тесно связан с вопросом о политической, правовой и моральной оценке советско-германского пакта о ненападении и секретных советско-германских протоколов. Он до сих пор остается предметом ожесточенной полемики. «Критики» указывают, что секретные советско-германские протоколы самым вопиющим образом нарушали международное право; что они явились непосредственной причиной Второй мировой войны, привели к разделу Польши и ликвидации польского государства; к нападению СССР на Финляндию; к присоединению к СССР прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины вопреки воле их народов. Для них это «сговор» советского и нацистского вождей¹³²; «заговор» двух тоталитарных государств «против пяти суверенных государств

с целью лишить их независимости и территориальной целостности»¹³³. По их мнению, Германия воспользовалась соглашением с СССР «более эффективно, чем Советский Союз»¹³⁴, для которого это соглашение означало «фактическое участие СССР до середины 1941 г. в войне на стороне Германии против западных союзников»¹³⁵.

«Традиционалисты» отвечают, что секретные соглашения о разделе чужих территорий вовсе не новость в практике международных отношений. Достаточно вспомнить секретное англо-французское соглашение Сайкс-Пико 1916 г. о разделе азиатских владений Турции; тайные договоры о будущих территориальных приращениях, заключенные Великобританией, Францией, Италией и Россией во время Первой мировой войны, а в более позднее время — «процентное соглашение» Сталина с Черчиллем о разграничении сфер влияния на Балканах и ялтинское соглашение Сталина, Черчилля и Рузвельта о передаче Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов. С этой точки зрения «дополнительный протокол» не был каким-то исключительным, невиданным ранее событием. Конечно, Советский Союз заключил секретное соглашение с нацистской Германией, действия которой вызывали осуждение общественного мнения, но и Мюнхенская конференция была соглашением Великобритании и Франции (хотя и не секретным) с тем же нацистским государством. «Традиционалисты» подчеркивают, что после Мюнхена, когда Великобритания и Франция, по существу, отказались от политики коллективной безопасности, Советский Союз должен был защищать только свои, а не чужие национальные интересы. По «дополнительному протоколу» Германия и СССР (как когда-то Пруссия, Австрия и Россия) разделили между собой Польшу, и это было для нее страшной трагедией, но разве Советский Союз был обязан защищать Польшу, которая и не думала о защите интересов СССР?

Следуя за «Фальсификаторами истории», где было написано, что пакт о ненападении с Германией «явился дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»¹³⁶, «традиционалисты» доказывают, что «решение советского правительства заключить договор о ненападении с Германией было при тех обстоятельствах фактически вынужденным, но вполне естественным и обоснованным в условиях, когда добиться создания эффективной англо-франко-советской коалиции не удалось»¹³⁷.

Соглашение с Гитлером позволило Советскому Союзу вернуть территории, которые когда-то принадлежали России, и расширить свои пределы, что с геополитической точки зрения всегда считалось важнейшей целью любого государства. Благодаря пакту с Германией СССР смог «на какое-то время гарантировать страну от войны» и избежать грозившей ему войны на два фронта. Пакт с Германией исключил возможность возникновения коалиции

Германии, Великобритании и Франции против СССР, дал Советскому Союзу возможность выиграть время и почти два года оставаться вне войны; а когда она все же началась, встретить войска агрессоров немного дальше от своих границ¹³⁸.

Некоторые авторы добавляют, что важным результатом договора СССР с Германией было «определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться»¹³⁹.

Доводы «традиционалистов» встречают серьезные возражения. Осенью 1939 г. Германия еще не имела конкретных планов нападения на СССР. Они начали составляться только после поражения Франции летом 1940 г. Следовательно, до этого времени Советскому Союзу не грозила война на два фронта. Англо-франко-германская коалиция против СССР была очень маловероятной из-за непримиримых противоречий между этими государствами. Секретные англо-германские переговоры летом 1939 г. ни к чему не привели. Советский Союз действительно около двух лет оставался вне войны и встретил войска агрессоров значительно западнее своих прежних границ, но это задержало агрессоров всего на несколько дней и не спасло СССР от тяжелейших поражений. Зато пренебрежение международным правом и фактический, хотя и кратковременный, союз с нацистской Германией нанесли Советскому Союзу большой моральный и политический ущерб.

Советский Союз действительно вернул себе территории, которые раньше принадлежали России, а также Северную Буковину, которая в состав России никогда не входила, но все эти приобретения оказались непрочными. Насильственные методы их присоединения и последующая насильственная «советизация» породили у их населения сильное недовольство. «Как показали последующие события, — пишет А. О. Чубарьян, — тактические успехи обернулись стратегическими просчетами»¹⁴⁰.

Автор настоящей статьи также считает, что соглашение СССР с гитлеровской Германией было выгодно Советскому Союзу с точки зрения его ближайших геополитических и военно-стратегических интересов в конкретных условиях осени 1939 г., но

оно имело очень серьезные негативные последствия в более широкой исторической перспективе.

Иногда утверждают, что советско-германский пакт о ненападении подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и стал причиной Второй мировой войны. В наиболее отчетливой форме эта точка зрения выражена в книгах бывшего советского разведчика В. Б. Резуна, писавшего под псевдонимом Суворов. Началом войны он считал речь Сталина, которую тот будто бы произнес 19 августа 1939 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), объясняя причины заключения пакта с Германией¹⁴¹. Хотя странно считать началом войны день, когда никаких военных действий не велось, точка зрения Резуна встретила поддержку у некоторых российских историков.

Так, например, один из них, ссылаясь на ту же «речь Сталина» написал, что Сталин — «провокаатор Второй мировой войны». По его словам, «Сталин не только помог Гитлеру развязать ее, но инициативно, в собственных интересах развязал ее сам»¹⁴².

Подавляющее большинство современных российских историков отвергают такую точку зрения, потому что еще на Нюрнбергском процессе главных военных преступников было установлено, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил «Белый план» нападения на Польшу, а 3 апреля наметил его дату — «не позднее 1.09.1939 г.»¹⁴³.

Мнение о том, что Гитлер не решился бы напасть на Польшу, не заключив предварительно соглашения со Сталиным, относится к области предположений, которые невозможно проверить. Заметим только, что к лету 1939 г. подготовка Германии к войне завершилась, оперативные планы разработаны, Гитлер был полон величайшего презрения к руководителям Великобритании и Франции и нисколько не сомневался в своей победе.

Что касается пресловутой «речи Сталина 19 августа 1939 г.», то С. З. Случ показал, что она, по-видимому, носит апокрифический характер и не заслуживает доверия в качестве исторического источника¹⁴⁴.

Разумеется, советско-германский пакт о ненападении и «дополнительный протокол» значительно облегчили Гитлеру изоляцию и разгром Польши, но их нельзя считать ни причиной нападения Германии на Польшу, ни причиной Второй мировой войны.

1. Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Washington. 1948.

2. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948.

3. См. «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискусии, комментарии, размышления. Ответственный редактор и составитель, С. З. Случ. М., 2007, с. 455–486.

4. «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война»..., с. 172–174.

5. См.: Марьяна В. В. Еще раз о «Мюнхенском сговоре» (Новые документы из чешских архивов). // Славяноведение», 2006, № 3;

Марьяна В. В. Еще раз о Мюнхене (Новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М., 2008;

Орлик И. И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений // «Новая и новейшая история», 2008, № 5;

Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // «Новая и новейшая история», 2009, № 1.

Мюнхенское соглашение — коронация войны. Из архива // «Правда», 30.IX.1998.

Маслов С. Правды стало больше. СВР России обнародовала ранее неизвестные документы о Мюнхенском сговоре западных держав с Гитлером в сентябре 1938 года // «Российская газета», 30.IX.2008; Соцков Л. Цель Мюнхенского сговора — вернуть Гитлера на Восток // «Известия», 30.IX.2008.

6. См., напр., Мюнхен — преддверие войны. (Исторические очерки). Отв. ред. В. К. Волков. М., 1988. 1939 год. Уроки истории. Отв. ред. О. А. Ржешевский. М., 1990; Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Война 1941–1945. Факты и документы. Под ред. О. А. Ржешевского. М., 2001.

«Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. Отв. ред. Е. Н. Кульков. М., 2002.

Война и общество в XX веке. В трех книгах. Руководитель проекта О. А. Ржешевский М., 2008. Книга 2.

7. Прасолов С. И. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен — преддверие войны, с. 60.

8. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 8–9.

9. Там же, с. 11.

10. Там же.

11. Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 70 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР». М., 1977, с. 470–471).

12. Там же, с. 71.

13. Там же, с. 70–71.

14. Новые документы из истории Мюнхена, с. 99 (Документ воспроизведен в издании «Документы внешней политики СССР», с. 498–199).

15. Некоторые авторы почему-то считают, что в этом обращении «президент Чехословакии не поставил перед СССР основного вопроса, а именно об оказании советской помощи независимо от позиции Франции» // 1939 год. Уроки истории. С. 137–138.

16. Новые документы из истории Мюнхена, с. 103 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 500).

17. Там же, с. 110.

18. Новые документы из истории Мюнхена, с. 113 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 515).

19. Там же, с. 129.

20. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, М., 1946, с. 387.

21. Там же, с. 378.

22. Там же, с. 389–390.

23. Новые документы из истории Мюнхена, с. 131 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 515–516).

24. См.: «Предупреждение, сделанное советским правительством польскому правительству в связи с подготовкой Польшей акта агрессии против Чехословакии». 23 сентября 1938 года // «Внешняя политика СССР, т. IV, С. 390.

25. Новые документы из истории Мюнхена, с. 139–140 (Воспроизведено в издании «Документы внешней политики СССР», с. 530).

26. Маршал М. В. Захаров. Накануне Второй мировой войны (май 1938 — сентябрь 1939). // «Новая и новейшая история», 1970, № 5, с. 7.

27. «Правда», 30.IX.1988.

28. Там же.

29. Маршал М. В. Захаров. Ук. соч., с. 8.

30. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 15; Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 42; Война и общество в XX веке, с. 70; 1939 год. Уроки истории, с. 144–145.

31. 1939 год, Уроки истории. С. 144.

32. K. Feiling. Life of Nevill Chamberlain. London. 1946, p. 367.

33. Nazi conspiracy and aggression. vol. VII. Washington. 1946, pp. 753–754.

34. Подробнее см.: Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // «Новая и новейшая история», 2009, № 1, с. 22–23.

35. А. О. Чубарьян. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008, с. 25–26.

36. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 13–15.

37. Фальсификаторы истории..., с. 35.

38. М. Ю. Мягков. От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006, с. 49. Ср. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 6.

39. «Известия», 10.IX.2008.

40. Фальсификаторы истории..., с. 34–35.

41. Война и общество в XX веке. Кн. 2, с. 70.
42. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 328.
43. Documents on British Foreign policy. 1919–1939. Third series. Vol. III. London. 1950. Doc. № 325, p. 307.
44. Documents on German Foreign policy. 1918–1945/ Series D. (1937–1945), vol. IV. October 1938 — March 1939. Washington. 1951, p. 474.
45. Там же, p. 474–476; 494.
46. Le livre jaune français Documents diplomatiques 1938–1939. Pièces relatives aux événements et aux négociations qui ont précédé l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne d'une part, la Pologne, la Grande-Bretagne et la France d'autre part. Paris. 1939, p. 45.
47. P.-M. de la Gorse. 39–45. Une guerre inconnue. Paris. 1995, p. 14.
48. E. du Réau. Gouvernement et haut commandement français devant la perspective de la guerre. (Septembre 1938 — Septembre 1939). // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1992, № 166, p. 152–153.
49. См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 317.
50. Новые документы из истории Мюнхена, с. 159.
51. Подробнее см. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004, с. 391–424.
52. Nazi-soviet relations..., p. 78.
53. «Правда», 23.IX.1989.
54. «Правда», 29.IX.1989.
55. «Известия», 3. VI.1989, С. 2–3.
56. В. И. Болдин. Крушение пьедестала. М., 1995, с. 261.
57. «Правда», 24.XII.1989; «Известия», 25.XII.1989, с. 5–6.
58. «Известия», 25.XII.1989, с. 6.
59. Там же, с. 11.
60. Там же, с. 6.
61. Там же, с. 7.
62. Там же, с. 11.
63. «Известия». 27.XII.1989, с. 2.
64. Там же.
65. «Международная жизнь», 1989, № 9.
66. Министерство иностранных дел СССР. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990, с. 17, 60–61; Министерство иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах. М., 1990, т. II, С. 321.
67. «Известия», 30.X.1992.
68. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Документы внешней политики. 1939 год, т. XXII. М., 1992. Книга 1. 1 января–31 августа 1939 г., с. 632. Книга 2. 1 сентября–31 декабря 1939, с. 135–136 (Далее ДВП).
69. 1939 год. Уроки истории, с. 345.
70. Памятная записка наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова немецкому послу в Москве фон Шуленбургу 17 августа 1939 г., ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 612.
71. «Известия» 25.XII.1989, с. 5.
72. Исключением является В. Я. Сиполс, который писал, что после Мюнхена в Германии не хотели сближения с СССР, и «в Берлине в то время рассматривались планы нападения на СССР, причем совместно с Польшей и Японией» (В. Я. Сиполс. Указ. соч., с. 43).
73. Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 50.
74. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 39.
75. Мировые войны XX века. Кн. 3, с. 50–51. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 18.
76. Случ С. З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // «Международный кризис 1939–1941 гг.», с. 82.
77. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, с. 11.
78. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 15.
79. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 49.
80. «Правда», 1.IX.1939.
81. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 292–293.
82. Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 50.
83. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 13.
84. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 386–387.

85. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 52.
86. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 386.
87. Там же, с. 387.
88. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 23.
89. «Известия», 25.XII.1989.
90. Год кризиса, т. 2, с. 184 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
91. «Известия», 25.XII.1989.
92. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 555–556.
93. Год кризиса, т. II, с. 137 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
94. Год кризиса, т. II, с. 137.
95. Год кризиса, т. II, с. 139–140 (В публикации «Документы внешней политики» этот документ отсутствует).
96. Год кризиса, т. II, с. 145 (В публикации «Документах внешней политики» телеграмма Молотова перенесена в примечания). См.: ДВП, т. XXII. Кн. 2, с. 569 (Примечание № 154).
97. Год кризиса, т. II, с. 145 (В публикации «Документах внешней политики» телеграмма Молотова перенесена в примечания). См.: ДВП, т. XXII. Кн. 2, с. 569 (Примечание № 177).
98. «Правда», 29.VII.1939 г.
99. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 568.
100. Там же, с. 570–572.
101. Год кризиса, т. 2, с. 177 (В «Документах внешней политики» этот документ отсутствует).
102. ДВП, т. XXII. Кн. 1, с. 586.
103. Дальнейшая судьба Г. А. Астахова, через которого велись основные переговоры между Германией и СССР, была трагической. В феврале 1940 г. его арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности и шпионаже (почему-то в пользу Польши, а не Германии) и отправили в концентрационный лагерь, где он и умер.
104. Фальсификаторы истории..., с. 55–56.
105. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 24.
106. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 336.
107. Д. Г. Наджафов. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова–Риббентропа // Война и политика. 1939–1941. М., 2001, с. 90.
108. Там же, с. 101.
109. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 336.
110. Там же, с. 330–331.
111. 1941 год в 2-х книгах. М., 1998. Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. Кн. 2, с. 557–571 (Далее: 1941 год...).
112. Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995, с. 56.
113. 1941 год... Кн. 2, с. 559.
114. «1941 год...». Кн. 2, с. 559.
115. Там же, с. 558.
116. Там же, с. 561.
117. Очерки истории российской внешней разведки. Том 3. 1933–1941 годы. М., 1997, с. 8.
118. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 332.
119. Очерки истории российской внешней разведки. Том 3, с. 9.
120. Documents on British Foreign Policy. Third series, vol. VI. London, 1953, p. 763–764.
121. Documents diplomatique français. 1932–1939. 2-e série (1936–1939). Tome XVII. (25 juin-12 août 1939). Paris, 1986, с. 552.
122. E. du Réau. Op. cit., p. 153.
123. Подробнее см. Чельшев И. А. СССР — Франция: трудные годы. 1938–1941. М., 1999, с. 190.
124. Фальсификаторы истории, с. 49–52.
125. Особенно подробно секретные англо-германские переговоры освещены в сборнике «Год кризиса», т. II, документы № 498, 499, 515, 516.
126. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948, т. II, с. 72–75.
127. Там же, с. 119–127.
128. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 107.
129. Там же, с. 107–108.
130. См. В. В. Марьина. Дневник Г. Димитрова. // «Вопросы истории», 2000, № 7, с. 32–55.
131. Из дневника Г. Димитрова об указаниях И. В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах коммунистических партий // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. Док. № 495, с. 779–781.
132. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 23.

133. Другая война. 1939–1945. М., 1996, с. 241.
134. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война..., с. 71.
135. Другая война..., с. 28.
136. Фальсификаторы истории, с. 53.
137. Сиполс В.Я. Указ. соч., с. 106.
138. Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский. Указ. соч., с. 23–24.
139. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса. // Международный кризис 1939–1941 гг.: М., 2006, с. 59.
140. Чубарьян А. О. Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 года). // Война и политика..., с. 19.
141. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. М., 1992, с. 52.
142. Дорошенко В. Л. Сталинская провокация Второй мировой войны // Другая война, с. 63–64.
143. См.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. исторические документы и материалы, т. 1. М., 1973, с. 359.
144. Случ С. З. Речь Сталина, которой не было. // «Отечественная история», 2004, № 1.